

ТРОИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

В.Н. БЕЛОВ

Творчество выдающегося отечественного философа и богослова протоиерея Сергия Булгакова, негласного главы парижской богословской школы, первого декана Свято-Сергиевского богословского института, привлекало и привлекает внимание многих исследователей. Тем не менее тема троического богословия, которая занимает в его творчестве одно из центральных мест, по-прежнему остается малоизученной. Она имплицитно содержит в себе два теснейшим образом взаимосвязанных, но все же требующих отдельного рассмотрения сюжета: учение о Пресвятой Троице и характер богословствования Булгакова. Не претендуя на полное раскрытие этих сюжетов, каждый из которых может составить предмет серьезного монографического исследования, попытаемся, тем не менее, наметить некоторые линии размышлений, возникающие при такой постановке указанной темы и представляющие, на наш взгляд, несомненный интерес.

Прежде всего, остановимся на характере богословствования, или характере мышления протоиерея Сергия Булгакова. Несмотря на то, что большинство исследователей сходится в том, что Булгаков всегда оставался философом¹, оценки такой позиции, особенно в богословии, чаще всего резко отрицательные или, по крайней мере, ставящие позитивность такой позиции под большой вопрос. На наш взгляд, для взвешенной и правильной оценки следует более внимательно расставить необходимые в данном случае акценты.

Как в обыденном сознании воспринимается богословствование? Как толкование, т.е. объяснение и разъяснение, вероучительных положений и, прежде всего, догматических. В чем здесь может и должна проявляться творческая сторона мысли богослова? В том, чтобы воспроизвести формулу, соборно утвержденную, и попытаться прояснить ее значение в реальной жизни человека и общества. Догмы уподобляются притчам Христа, которым требуется толкование. В целом, по нашему мнению, соотношение догмы и богословия составляет центральную проблему богословской мысли. Другое дело, как понимать эту проблему.

Существуют две крайние точки зрения: догмы суть не что-то запредельное человеческой мысли. Поэтому либо их количество, либо их качество, либо и то, и другое может и должно подвергаться критическому вопрошанию и, соответственно, человеческая мысль в своем свободном творческом применении способна претендовать и на догматическое творчество. Другая, прямо противоположная позиция

исходит из того, что догмы суть непреложные истины, возникшие в результате напряженного противостояния еретической мысли. Но так как сегодня уже нет такого противостояния, а потому нет и того напряжения богословской мысли в ответ на еретический вызов, то претендовать на творческое осмысление самих догматических формул есть дело изначально еретическое. Соответственно, дело православного богослова — в творческом применении этих самых догматических формул к окружающему его миру. То есть в отношении к догматике богослов превращается в экзегета. Или, другими словами, догматика — это вероучительная аксиоматика, без опоры на которую богослов перестает быть богословом, а поскольку она выполняет свою функцию основы христианского вероучения достаточно успешно в течение многих веков, то и трогать ее опасно и вредно.

Осмелимся предположить, что протоиерей Сергей Булгаков предлагает третью позицию, в которой взаимодействие догмата и богословия имеет характер живого, постоянно возобновляющегося творческого процесса. Догма, хоть и вдохновлена действием Святого Духа, хоть и есть кристаллизовавшаяся истина, но не лишена при этом и исторического момента теснейшей связи с богословием своего времени. Поэтому о. Сергей Булгаков призывает «отличать формально-рассудочное и мертвое охранительство от подлинного хранения Предания»². Догматы, формулировавшиеся боговдохновенно, но усилиями реальных людей, богословов первых восьми веков христианства, не могут и не должны, по убеждению русского философа и богослова, быть выведены из-под догматического вопрошания.

Живое религиозное сознание, с одной стороны, и пытливые богословие, с другой, настоятельно требуют догматического творчества, пробуждения творческой богословской мысли, испытывающей догматы на их современность. И тут становится очевидным, выявляет о. Сергей, что смысловое наполнение основных понятий христологического догмата, вокруг которого и будет, по его мнению, выстраиваться богословие современной эпохи, должно найти возможность обогащения и уточнения с помощью продвинувшихся наук о человеке: «Современная философия и психология совершенно иначе воспринимают основные понятия: ипостась и природу, для них они срастаются с жизнью личного духа, с ее глубиной и основой, и нам совершенно невозможно оставаться в области физического и вещного понимания этих понятий, каким удовлетворялась патристическая эпоха»³.

Чтобы более наглядно представить характер догмата, которому требуется богословский перевод на современный язык, и богословия, о. Сергей Булгаков отказывает догмату в характеристике последней, застывшей в своей кристаллизации, истины: «Богомудрые определения Вселенских Соборов в их целом суть некие священные догматические мифы или массивные символы, которые всегда нуж-

даются, так сказать, в новом догматическом раскрытии или переводе на богословский язык современности»⁴.

Наконец, русский философ и богослов готов оправдать перед ищущей богословской мыслью современности те богословские изыскания прошлых веков, которые впоследствии были осуждены церковью: «Догмат есть вдохновение Духа Святого, богословие же есть дело человеческой мысли, просветляемой верой и благодатью. Догматическое развитие осуществляется творчеством богословов, среди которых есть отцы и учителя Церкви, есть и осужденные ею еретики. И те, и другие богословски одинаково соучаствуют в общем деле догматического творчества и обычно даже друг друга взаимно обуславливают в его диалектическом процессе»⁵.

Таким образом, согласно протоиерею Сергию Булгакову, лучше творить и искать, даже с опасением стать ересиархом, чем опасно повторять то, что уже открыто до тебя. Богословие должно стремиться стать «искусством не повторять»⁶, какие бы авторитеты ни стояли за прошлыми открытиями. Догмат есть «ограда мысли», но не сама мысль, ограда при этом не должна превращаться в ограждение от необходимого для любой мысли постоянного движения и стремления к новому, к творчеству.

Так каково оно, это богословствование как связь догмата с современностью и связь не внешняя, соединяющая сторонние для себя предметы, а связь имманентная, имеющая общие моменты как с догматом, причем именно с его генетической частью, так и с современностью, прежде всего с философией?

В целом христианское богословие можно считать мышлением на границе, или лучше сказать, мышлением границы. Это такое же рациональное, системное, выраженное в понятиях и логических закономерностях мышление, каковое присуще научному познанию. Но имеется и существенное отличие, связанное с отношением к философии, точнее к тем ее предельным научным концептам, которые стремятся эксплицировать весь объем рационального. Не количественно, конечно, но качественно, т.е. объяснив истоки возникновения рационального мышления, его основных компонентов и его границы. Однако критическое отношение к разуму не может игнорировать его несамодостаточности, о чем очевидней всего свидетельствует объективный аспект аффицирования субъекта познания внешними по отношению к его познавательному аппарату вещами, который не удалось проигнорировать даже Канту. Удалось его последователю, наиболее известному неокантианцу Герману Когену путем переинтерпретации кантовской «вещи самой по себе» как идеи, задачи, гипотезы, путем, по мысли о. Сергия Булгакова, насилия над разумом, ограничения его претензий только научной сферой⁷.

Находясь в плену такого «догматического рационализма» науки, мышление понимает свои границы как нонсенс, абсурд, как естественно-логический предел и одновременно как запрет на продолжение мышления по направлению к этому пределу. Для него нет более ужасного состояния, как упереться в апории, впасть в замкнутый круг антиномий. Кант и Гегель (особенно в «Феноменологии духа»), дойдя до этой границы и встретив впереди бездну, предпочли не только не двигаться дальше, но даже и не оставаться на этой границе с бездной, но предприняли движение назад — в сторону от неопределенности и непредсказуемости к устойчивости и понятности.

С таким определением границы согласен и о. Сергей Булгаков. Однако он вводит и существенное добавление: апория и антиномия не суть отрицание мышления, не суть его отрицательный предел, не суть последняя опора перед шагом в пустоту, но суть приобретение мышления в результате грехопадения человека, т.е. в результате разрушения цельности его природы. Падшая природа не способна к постижению «реальных границ разума, которые должны быть осознаны, хотя бы разум и упирался в антиномию»⁸. Без постоянного интеллектуального усилия по восстановлению связи мира тварного и божественного, или имманентного и трансцендентного⁹, что является коренной чертой религии, мышление теряет возможность правильно постулировать свои аксиомы¹⁰, свою проблему и цель, критически осмысливать свои границы.

Исходя из очевидной, по его мнению, ограниченности человеческого разума, а также его генетической и исторической не-первичности и в тоже время его стремления к абсолютному в познании истины, протоиерей Сергей Булгаков полагает возможным выверенным образом встроить разум в целое человеческого существования, для чего следует произвести ревизию всего объема разумного. И на этом пути фундаментально-критического переосмысления философского мышления оказывается, что «всякая философия есть философия откровения — откровения Божества в мире»¹¹, что «всякая философия, как учение о мире, обо всем, есть необходимо и богословствование», а «раздирающие разум антиномии» его же строят и определяют¹². Поэтому любой честно и творчески мыслящий человек обязательно столкнется с дилеммой: «...или философия невозможна и остается ее уделом только новое повторение старых и исхоженных уже путей, бег белки в колесе... или же она возможна как антиномически обоснованная и религиозно, т.е. догматически, обусловленная философия»¹³.

Таким образом, следует вести речь о парадоксальности размышлений о. Сергия Булгакова, как парадоксальности самого человеческого мышления, которая обуславливается уже самой установкой этих размышлений в рамках критического антиномизма на возможность догматически-творческой богословствующей философии. В данном

аспекте следует указать на размышления Булгакова по поводу свободного мышления только в догмате и решения всех антиномий и апорий разума в Троице. Здесь все в точности наоборот по сравнению с тем, как мыслится в обыденном сознании: если догма — то свободе места нет, а Троица — это самая сильная апория для человеческого разума, какую вообще можно себе мыслить. Булгаков же уверен, что апория — это не запрет двигаться дальше в этом же направлении, как у Канта, но вызов, собственно ничем особенным не отличающийся от вызова, который для человеческого сознания представляют другие сознания или предметы. Как для верной ориентации нашего сознания в предметном мире существует наука, так и для выхода из апорий для разума есть признание интеллектуальной силы религии. Но как в науке выделяются собственно наука и лженаука, так и в религии истинно интеллектуальным запросам отвечает, по мнению Булгакова, только христианство.

Кроме того, согласно о. Сергию Булгакову, апория есть не только «вызов» для мышления, но и — при позитивном ее восприятии — «образ» ее решения. Как в правильно поставленном вопросе уже содержится формула ответа, так и в апории, при верном ее рассмотрении должно содержаться зерно ее разрешения. И отсутствие прохода — *a-poroc* — не означает отсутствие выхода, не есть абсолютная фатальность тупика.

Еще одной характеристикой специфичности парадоксального мышления является тесная связь антиномии и догмата. Булгаков полагает, что высшая интеллектуальная сила догмата заключается именно в антиномии. Только антиномия, таким образом, заставляет разум человека «работать» на пределе своих возможностей и наиболее эффективно, «ибо в антиномии сила догмата, высшая его разумность, которая раскрывается и в его соответствии высшим постулатам разума»¹⁴.

Но каковы же эти высшие постулаты разума? Их, согласно русскому мыслителю, два и они антиномистичны, но не противоразумны, то есть «сознаются в отдельности, однако невыполнимы силами разума в своей совокупности»: «а) Бог один, и, как личный Дух, имеет единую ипостась, и единую сущность; б) Бог не может быть моноипостасен, ибо абсолютная ипостась осуществляется лишь в полноте *я-ты*, и существо Божие не мирится с моноипостасным обладанием Бога своей природой, с метафизическим одиночеством и эгоизмом. С одной стороны, постулат строгого монотеизма, а с другой — противоречивость моноипостасности, ведущая к ее отрицанию. Догмат соединяет оба постулата: — единство, хотя и не-одиночество, — единственность, но не уединение, — единоличность, но не моноипостасность»¹⁵.

Однако, подчеркивает о. Сергей Булгаков, парадоксальность мышления в троицком богословствовании едина с аналогичностью: по

образу и подобию. Такого рода единство двух способов мышления включает в себе два взаимосвязанных момента. Во-первых, парадоксальность не превращается в интеллектуальную забаву, игру смыслами и словами, и во-вторых, мышление приобретает свое первоначало, свои первоэлементы и свою цель. Причем приобретает так, что не останавливает процесса мышления, не заключает его в рамки заданной системы, сам процесс остается бесконечным приближением к цели с постоянной сверкой своего истока. Трансцендентное становится имманентным силой веры, и разум должен быть гармонизирован с духовным усилием человека связать (*religare*) мир божественный и мир земной, что проецируется и в познавательных усилиях, направляемых человеком на единение мира земного во множестве его проявлений.

Итак, апофатическим образом не приемля философские построения, т.е. отвергая саму возможность существования чистой философии, другими словами самодостаточной философии, протоиерей Сергей Булгаков оправдывает ее предельные рациональные претензии, которые встраиваются в единого, цельного субъекта и становятся катафатическим образом понятными при ориентировании философии не на науку, а на религию.

В учении о Троице протоиерея Сергея Булгакова хотелось бы обратить внимание на три примечательных момента: почти полное отсутствие в нем темы Софии, его значение для становления истинной философии и его связь с современными проблемами общения, диалога, коммуникации.

При всей важности и противоречивости софиологической темы для творчества русского мыслителя, он сам, казалось бы, дает нам возможность упустить ее при рассмотрении его учения о Пресвятой Троице: из четырех работ, непосредственно посвященных раскрытию этого учения (а именно: «Трагедия философии», «Ипостась и ипостасность», «Благодатные заветы преподобного Сергея русскому богословствованию» и «Главы о Троичности»), тема Софии занимает центральное место только в небольшой статье «Ипостась и ипостасность», вообще не упоминается в работе «Главы о Троичности», в двух оставшихся привлекается лишь эпизодически, будучи в них абсолютно маргинальной. Мы позволим себе воспользоваться такой возможностью, тем более что тема софиологии о. Сергея Булгакова и без того привлекает достаточно большое количество исследователей¹⁶.

Чтобы доказать реальность непротиворечивого и продуктивного использования возможностей троического богословствования в философии, Булгаков прибегает к объяснению, что называется, на пальцах. Он полагает абсолютно недопустимым монистическое, гносеологически обусловленное устремление философии, которая сначала растворяет в мысли субъект, чтобы затем повторить эту опе-

рацию в отношении всего остального мира, окружающего человека, либо эта последовательность меняется, но печальный для выяснения истинного положения дел результат остается: мысль помещает себя на место и субъекта, и объекта, и связи между ними. В такой философии абсолютного тождества, к которому, собственно, в конечном итоге, сводится всякая рациональная философия, отрицающая связь с религией, мысль становится единственным действующим лицом, что очевидным образом противоречит фактическому положению дел, поскольку всегда даны и источник мысли, и то, что мыслью не является. Следовательно, мысль всегда будет только средним членом любой системы. Поэтому рационалистические, лишённые тайны и избегающие ее притязания создать философскую систему, по убеждению протоиерея Сергея Булгакова, неизменно приводят к субъективно-произвольному продуцированию некоей всепорождающей субстанции, будь то трансцендентальный субъект, материя, трансцендентальное единство апперцепции, Абсолютная Идея, Я или что-то другое.

В действительности же, заявляет русский философ и богослов, мы должны признать непремненное наличие источника мысли, который мыслью не является и не преобразуется в мысль ни при каких логических, психологических, гносеологических или иных операциях. То есть мы имеем тайну Я, ее яйность, ипостасность, которая в своей глубине остается для мысли недоступной. Как и в обратную — точнее единственно верную сторону, а именно, от источника к производному: мысль для Я всегда будет неким трансцендентным моментом, ноуменом, Ding an sich, нарушающим как принцип тождества, так и принцип противоречия. Я, субъектность, яйность, ипостасность выступает здесь как «неразложимое единство, осуществляющееся не только в познании, но и воле, чувстве, действии, во всей жизни. Оно связует собой “чистый”, “практический” и эстетизирующий (оценивающий) разум. Ипостасное я есть живой дух (что есть, впрочем, синоним), и его сила жизни неисчерпаема ни в каком определении»¹⁷.

Признавая сущность природы человека, созданной «по образу и подобию», и после грехопадения сохранившую, но уже ущербно, а потому и потаенно, эту свою первоначальную характеристику, мы, по мнению Булгакова, определяем человека в качестве «сына Бога», «тварного бога», т.е. объемлющего в своей ипостасности все тварное бытие. Но объемлющего не в моноипостасности или в рациональном монизме философии, а в том умаленном после грехопадения единстве, которое предстает и как данность, и как заданность одновременно. Поэтому триединство субстанциальности «тварного бога» или духовного начала в человеке, о котором свидетельствует и человеческая мысль, может быть представлено в трех взаимосвязанных моментах: «...чистая ипостасность я, субъект, подлежащее; природа я, раскрыва-

ющая себя в нем и пред ним, — сказуемое; и самопознание, самоотнесение себя к своей собственной природе, акт реализации себя в своей собственной природе, бытие или связка, жизненное самопознание и самоутверждение я»¹⁸. Причем, замечает о. Сергей Булгаков, все три момента должны восприниматься как равнозначные, для чего также необходимо использовать формулу троического мышления.

Любая мысль, согласно Булгакову, имеет свое первовыражение в суждении, которое, в свою очередь, для того, чтобы быть определенным и законченным, должно иметь тройственную структуру, как в простом предложении: подлежащее, сказуемое, связка. Даже в безличных предложениях данная тройственная структура подразумевается, она первична. «Суждение, — отмечает Булгаков, — оно же грамматическое предложение, онтологической первоосновой сводится всегда к типу: *я есть нечто*»¹⁹.

Таким образом, сама человеческая мысль не гносеологически ограниченная, а как тайна, как Логос, рождающий космос, призывает для решения своих антиномий философию троичности.

Размышления о. Сергия Булгакова о философском смысле троичности интересны и в свете актуальности современных исследований оснований общения, коммуникации, диалога. Один из первых вопросов, которые возникают при обращении к данному аспекту, — это вопрос о том, почему проблема диалога, коммуникации, общения, которая уже давно интересует философов и западно-христианских теологов, только сейчас становится предметом внимания и православных мыслителей (митрополит Иоанн Зизиулас, священник Георгий Завершинский). Прежде всего, следует иметь в виду специфику взаимосвязи богословия и философии в православии. Понимание и осознание проблемы их отношения особенно напряженно происходило в рамках тринитарных и христологических споров и споров вокруг *filioque*. Как и тогда, сейчас православное богословие отвечает на интеллектуальный вызов современного мира актуализацией и акцентуацией тех моментов православного вероучения, которые изначально в нем заложены. Здесь может быть полезен богословский опыт протоиерея Сергия Булгакова, одним из первых современных православных богословов указавшего на сложности и интересные перспективы размышлений о троическом догмате в свете богословия общения.

При всей противоречивости и неоднозначности использования аналогий и сравнений, выводимых из тринитарного догмата для характеристики человеческой природы, Булгаков все же считает, что богословски и интеллектуально взрослеющее человечество способно все более полно и глубоко выразить содержание библейской формулы «по образу и подобию»²⁰. Для него полнота образа Божьего в триипостасности человека как абсолютного субъекта, — интереснейшая и

достойная тема, где полнота должна восприниматься и как заданность, и как определенный характер этой заданности, где единство может быть понято через триипостасность и триипостасность — через единство, а не через диалог или отношение, которые это единство разрывают и ведут к различного рода отклонениям.

Принято считать, что католическое и православное понимания Троицы отличаются друг от друга: если на Востоке исходят из ипостасных различий Лиц в св. Троице, то на Западе делают акцент, прежде всего, на сущностном их единстве. И полагается в этом противопоставлении, что православный подход более актуален и ведет к более интересным следствиям общегуманитарного и общекультурного порядка. Булгаков же считает оба этих подхода поспешными, разрешающими апорию чисто рациональным, но не сверхрациональным образом. Из такого неверного посыла, по его мнению, следуют два неверных вывода, распространенных как в православном, так и в католическом учении о Троице: относить тройственность к ипостасям, а единство — к сущности и обосновывать отдельные ипостаси ипостасными отношениями и взаимными отличиями Лиц в св. Троице. «Учение о св. Троице, — подчеркивает русский философ и богослов, — должно исходить из факта триипостасности как соборности *я* в абсолютном самодовлеющем субъекте, а не выводить ипостаси из признаков или внутробогаественных отношений, как на этот путь вступило и восточное богословие в лице каппадокийцев, и западное в лице блаж. Августина, за которым следует схоластика»²¹.

При этом он, конечно, не отказывается от самого понятия «отношение», но акцентирует внимание на том, что в троическом образе мы имеем не просто отношение, но абсолютное отношение ипостасей, и это всегда необходимо иметь в виду тогда, когда мы желаем сделать Троицу прообразом рассуждений об общении, диалоге, коммуникации. Поэтому важно понимание различения последовательности моментов в учении о св. Троице. Прежде всего, по мысли протоиерея Сергия Булгакова, следует утвердить равноипостасность всех ипостасей без определения каких-либо ипостасных признаков. И только как развитие этого учения «присоединяется дальнейшее учение о ипостасях, как различающихся между собою еще и ипостасными признаками»²².

Размышляя о духовной мудрости преп. Сергия Радонежского, над «вопиющей несообразностью» факта, когда «деревенский поселянин, полумужик, юный, непросвещенный, избирает для себя, правда, самый возвышенный и важный догмат христианской веры, но и самый таинственный и трудный как для точного выражения, так и для спекулятивного постижения»²³, о. Сергей Булгаков предлагает свое объяснение. По его мнению, таинство Троицы преп. Сергию открылось потому, что тот причастился характеру отношений Лиц в Пресвятой

Троице, а именно любви-смирению: «И образ Триипостасной самоотвергающейся Любви, в которой каждое ипостасное Я существует в другом Я, одно Я лишь как другое, есть предвечное смирение. И тот, кто причастится к любви-смирению, в меру того ему открывается таинство Троиинства Божия. И Сергей от юности своей стяжал это смирение, стал — помимо всех других добродетелей, которые можно стяжать на пути духовном, — только смиренномудрым, но через это он сделался и богомудрым»²⁴.

В исследованиях по философии диалога можно заметить один примечательный момент: недостаточность только двух сторон в диалоговом пространстве и необходимое присутствие в нем третьей стороны. Если речь идет о диалоге «человек — человек», то имплицитно или эксплицитно гарантирует возможность такого диалога коммуникативное сообщество, моральный закон, Бог, либо еще что-то или кто-то. Еще более очевидна необходимость посредника или Посредника, если речь заходит о диалоге «человек — Бог». Сложность, парадоксальность, но все-таки возможность, продуктивность мыслить онтологическую первичность диалогового отношения, как отношения трех, через Образ Троицы Булгаков демонстрирует, прибегая к математическим и геометрическим рассуждениям. Приводя математические символы для наглядного объяснения характера отношения в Троице, Булгаков обозначает его через математическую апорию $1=3$ и $3=1$. И если Пифагор и его школа понимали значение числа три и, возможно, догадывались о существовании математической апории, когда число три определяет собой «все и вся», т.е. объединяет это все многообразное в одно единое, объяснить апорию равенства единицы и трех они, конечно, не могли²⁵. Для понимания самого этого равенства Булгаков прибегает к образу креста. По его мнению это равенство — не параллелизм, не совпадение, но крест: «Напротив, единство и тройственность взаимно пересекаются из двух направлений, крестом — устанавливая триединство: троичность ипостасей при единстве триипостасного Божества, равенство $3=1$, в одном направлении, и триипостасность в отношении к одной, не общей для трех (как невольно подменяется догмат в рационализме), но единой сущности, равенство $1=3$, в другом направлении»²⁶. Но не таков ли истинный характер человеческого диалога, который может состояться только при одновременном присутствии двух измерений: горизонтального (человек — человек) и вертикального (человек — Бог)?

Геометрическая аналогия представлена у о. Сергия Булгакова в виде равностороннего треугольника, который символизирует как метафизическое триединство субстанции, так и характер отношений во Святой Троице. Образ равностороннего треугольника, «углы которого могут быть пройдены в любом порядке, но каждый из трех необходимо предполагает и оба другие»²⁷, богослов использует и для

доказательства неверности католического учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына и уточнения православной позиции по данному вопросу²⁸.

Интересна и оригинальна не только математическая и геометрическая, но и грамматическая аналогия образа св. Троицы у о. Сергея Булгакова²⁹. Грамматическая аналогия пронизана богословием границы: Я — субстанция, потенция и в тоже время ничто без понимания необходимости выхода из своего субъективизма, субъективного эгоизма. Также и выход из замкнутости «я» в «не-я» может быть таким нерадикальным для «я», что произойдет просто повторение, умножение, зеркальное отражение того же «я», а по сути ничего не произойдет и выхода никакого не состоится. Любой реальный выход из «я» — мысль, поступок, чувство — это рождение новой, не бывшей ранее реальности; это есть творческое становление, «непрестанное самотворчество и самооткровение»³⁰. Поэтому Булгаков уверен в необходимости отношения не только «я — ты», но и отношения «я — он» и «ты — он»: «*Я-ты* возникает и существует в этой встрече еще зыблущееся, сомнительное в неутвержденности своей. Но пребывающим, спокойным, оно является лишь благодаря наличию еще и *он: я-ты* (т.е. другое *я*, к которому *я* обращено) и *он-ты* (еще другое *я*, к которому прямо не обращено ни первое, ни второе *я*), т.е. ни *я*, ни *ты*, которое однако с ними связано, с ними сосуществует и может заступать место любого из них. В этом смысле *он* есть гарантия *я* и *ты*»³¹. При этом опять же, как в равностороннем треугольнике, в этом триедином отношении «я — ты — он» нет никакой последовательности, которая бы разрывала троичность и помещала на ее место какую-либо диаду.

Гений языка, по мысли протоиерея Сергея Булгакова, выражает это многоединство «я» во множественном числе «мы». «Я» не только как самозамкнутая монада, но «я» реальное никогда не мыслится вне «мы», что представляет для философского разума всегда серьезную проблему, особенно в рамках социальной философии. И эту проблему, согласно убеждению русского мыслителя, не разрешить, не обращаясь к Первообразу: «Третье *я*, или второе *ты*, уже устраняет возможность *зеркального* отношения *ты* к *я*, диадического эгоизма. Рядом с *ты*, непосредственно соотнесенным к *я*, появляется еще *ты*, которое состоит уже *вне* этого прямого и до известной степени зеркального соотношения, но в то же время *входит* в это соотношение, соединяя *я* и *ты*, вместе с тем утверждая их раздельность и устраняя зеркальность. Вторым *ты*, или третьим *я*, исполняется *мы*: дальнейшие *ты* представляют возможность, но не необходимость для *мы*, и это множество приводится к типу триединства, не вводя новых элементов в структуру *мы*. Поэтому в множественности человеческих ипостасей, в *мы* осуществляется лишь образ Божественного триединства: три *Я* в *Мы*»³².

Таким образом, троическое богословие протоиерея Сергия Булгакова представляет из себя такую тему, в рамках которой осуществляется разработка большинства проблем, занимающих центральное место в творчестве русского мыслителя. Разрабатывая эту тему, автор демонстрирует возможности продуктивного диалога философии и богословия, истории этих дисциплин и их современного состояния, намечает эвристические перспективы как философского, так и богословского знания.

В своем учении о Троице и в целом в своем богословствовании протоиерей Сергей Булгаков говорит с XXI веком «на понятном языке с ответственной богословской глубиной о том, что действительно является важным для нашего христианского мировоззрения, а не о том, о чем нам говорить спокойнее и удобнее»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М., 2001. С. 842; *Левицкий С.О.* Сергей Булгаков // *Русская религиозно-философская мысль XX века.* Сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. – Питтсбург, 1975. С. 206.

² *Булгаков С., прот.* На путях догмы (После семи Вселенских Соборов) // *Булгаков С., прот.* Путь Парижского богословия. – М., 2007. С. 417.

³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. С. 415.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ Удачное определение творчества о. Сергия Булгакова принадлежит диакону Августину Соколовски, которое тот привел в своем докладе «"Искусство не повторять": Два Града в рецепции протоиерея Сергия Булгакова» на конференции «Наследие протоиерея Сергия Булгакова в современном социогуманитарном дискурсе», которая была посвящена 140-летию со дня рождения мыслителя и прошла в Киеве 12 – 14 мая 2011 г. – URL.: http://www.religare.ru/2_91423.html

⁷ Следует лишь указать на одну немаловажную деталь в творчестве Г. Когена и на оценку этого творчества со стороны протоиерея Сергия Булгакова. Как глубокий и честный мыслитель, основатель марбургской школы не мог не чувствовать ограниченности своего строго научного – этико-юридического – рассмотрения человека. Поэтому в конце своей жизни (а опубликовано оно будет уже после его смерти в 1919 г.) он создает произведение «*Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*», в котором пытается выявить религиозную специфику исследования человеческой сущности.

⁸ *Булгаков С.Н.* Трагедия философии // *Булгаков С.Н.* Соч. В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. – М., 1993. С. 316.

⁹ О. Сергей Булгаков по-иному, нежели Кант, интерпретирует понятие «трансцендентное»: «Трансцендентно мысли не то, что немыслимо, как противоречащее ей, ее разрывающее и уничтожающее (да это и не существует для мысли, есть для нее "тьма кромешная", чистый нуль), но то, что есть не-мысль, точнее, не только мысль, и однако реализуется мыслью. В этой проблеме трансцендентности заключается, как мы видим, вообще проблема мыслимости предмета мысли» (*Булгаков С.Н.* Трагедия философии. С. 322).

¹⁰ «Аксиомы философии не дедуцируются, но лишь формулируются» (Там же. С. 327).

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 328.

¹³ Там же. С. 388.

¹⁴ *Булгаков С., прот.* Главы о Троичности // *Православная мысль.* – Париж, 1928. № 1. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 46 – 47.

¹⁶ Без обсуждения темы Софии не обходится ни один сборник материалов конференций, посвященных творчеству о. Сергия Булгакова. Достаточно указать на сборники: С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения (5 – 7 марта 2001 г.). – М., 2003; Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития: Сборник научных статей. – М., 2013. Следует также указать на издания: Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. – М., 2011; Софиология / под ред. В. Поруца. – М., 2010.

¹⁷ Булгаков С.Н. Трагедия философии. С. 320.

¹⁸ Там же. С. 322.

¹⁹ Там же. С. 391.

²⁰ Ссылаясь на мнения св. Григория Богослова и св. Илария Пиктавийского, Булгаков, в частности, замечает: «Если некоторые отцы церкви справедливо умаляют ценность подобий и сравнений, приискиваемых разумом для постижения троичности, то это, разумеется, не относится к подобию, вложенному самим Богом в человеческий дух. Оно все резче и глубже отпечатлевается вместе с исторической зрелостью человечества как высшее и предельное откровение о человеке, как правда о нем» (Булгаков С.Н. Трагедия философии. С. 390 – 391). Предостережения от попыток прямых аналогий между личностным развитием и божественной жизнью Отца, Сына и Святого Духа звучат и от современных православных, католических и протестантских богословов. См., например: Греггерсен Н. *Imago imaginis: человеческая личность с богословской точки зрения* // Богословие личности / под ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко. – М., 2013. С. 12 – 13.

²¹ Булгаков С., *прот.* Главы о Троичности. С. 78.

²² Там же. С. 79.

²³ Булгаков С., *прот.* Благодатные заветы преподобного Сергия русскому богословствованию // Булгаков С., *прот.* Путь Парижского богословия. С. 89.

²⁴ Там же. С. 98.

²⁵ См.: Булгаков С.Н. Трагедия философии. С. 440.

²⁶ Булгаков С., *прот.* Главы о Троичности. С. 46.

²⁷ Булгаков С.Н. Трагедия философии. С. 326.

²⁸ Там же. С. 432 – 438.

²⁹ Интересные рассуждения по этому поводу см.: Вестель Ю.А. Грамматическая аналогия триединства у о. Сергия Булгакова. – URL.: <http://vmw.trinitBS.ru/rus/doc/0226/002a/02260031.htm>

³⁰ Булгаков С., *прот.* Главы о Троичности. С. 56.

³¹ Там же. С. 36.

³² Булгаков С.Н. Трагедия философии. С. 441.

³³ Козлов М., *прот.* Парижский «Путь» протоиерея Сергия Булгакова // Булгаков С., *прот.* Путь Парижского богословия. С. 4.

REFERENCES

Bulgakov S. The Chapters about Trinity. *Orthodox thought*. 1928. No 1, pp. 31 – 88 (in Russian).

Bulgakov S. *The way of the Parisian theology*. Moscow, 2007 (in Russian).

Bulgakov S. *The Works*. Moscow, 1993. Vol. 1. The philosophy of economy. The tragedy of philosophy (in Russian).

Levitsky S. O. Sergius Bulgakov. *Russian religious and philosophical thought of the XX century*. Pittsburgh, 1975 (in Russian).

S.N. Bulgakov: Religious and philosophical way: The international scientific conference (5-7 March 2001). Moscow, 2003 (in Russian).

Sophiology and neopatristic synthesis: Two theological results of philosophical development: Collection of scientific articles. Moscow, 2013 (in Russian).

Sophiology. V. Porus (ed.). Moscow, 2010 (in Russian).

The Theology of personality. A. Bodrov, M. Tolstoluzhenko (eds.). Moscow, 2013 (in Russian).

Vaganova N.A. *Sophiology of the archpriest S. Bulgakov*. Moscow, 2011 (in Russian).

Zenkovsky V.V. *A History of Russian philosophy*. Moscow, 2001 (in Russian).

Аннотация

В статье обосновывается утверждение о том, что троическое богословие протоиерея Сергия Булгакова представляет из себя такую тему, в рамках которой осуществляется разработка большинства проблем, занимающих центральное место в творчестве русского мыслителя. Разрабатывая эту тему, Булгаков демонстрирует возможности продуктивного диалога философии и богословия, истории этих дисциплин и их современного состояния, намечает эвристические перспективы как философского, так и богословского знания.

Ключевые слова: богословие, философия, троическое богословие, православие, догматика, диалог, русская религиозная философия.

Summary

The article substantiates the claim that Trinitarian theology archpriest Sergei Bulgakov is a topic, within which the development of most of the problems are central to the work of the Russian thinker. Developing this theme, Bulgakov demonstrates the capabilities of productive dialogue of philosophy and theology, the history of these disciplines and their current status, outlines heuristic prospects as a philosophical and theological knowledge.

Keywords: theology, philosophy, theology Trinitarian, orthodoxy, dogma, dialogue, Russian religious philosophy.